

РАЗДЕЛ III. ЭФФЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА ТРУДА И ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ**SECTION III. EFFECTIVE DEVELOPMENT AND SELF-REALIZATION OF THE SUBJECT OF LABOR AND LIFE STRATEGY****ИССЛЕДОВАНИЕ ПАТТЕРНОВ ПОВЕДЕНИЯ В КРИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЯХ КАК ДЕТЕРМИНАНТ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ**

DOI: 10.25629/НС.2019.06.16

Сенкевич Л.В.¹, Донцов Д.А.², Донцова М.В.³¹Российский государственный социальный университет²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова³Московский институт психоанализа

Аннотация. В статье представлены результаты исследования паттернов поведения юношей и девушек с суицидальными попытками и без оных: была рассмотрена зависимость паттернов поведения в юношеском возрасте с внутренними предпосылками к суицидальным действиям у юношей и девушек. Основной научной задачей представленного в настоящей статье психологического эмпирического исследования стало выявление взаимосвязи особенностей личности суицидента юношеского возраста со спецификой личностных ресурсов совладания с критическими ситуациями. Кроме того, в данной статье подробно проанализированы психосоциальные особенности личностного развития в юности, рассмотрены собственно копинг-стратегии (стратегии преодоления, стратегии совладания в поведении и деятельности), раскрыто понимание суицида в философии, изучено отношение к суициду в клинической психологии, также суицид исследован в качестве социального явления и психологического феномена, наконец, детально описаны психодиагностические способы выявления суицидальных наклонностей личности, – представленные в качестве профилактики суицидальных попыток.

Ключевые слова: суицид, суициденты, суицидальные попытки, суицидальное поведение, подростковый возраст, юношеский возраст, юность, подростки, юноши, девушки, переживание, личность, кризис, сложная ситуация, трудная ситуация, совладающее поведение, способы совладания, стресс, копинги, копинг-стратегии, паттерны поведения.

Психосоциальные особенности личностного развития в юности

Юношеский («студенческий») возраст, – период юности в развитии личности (16-17 – 22-23), – это, как правило, – социально-психологическое («социализационное») начало самостоятельной, взрослой жизни человека [7, 19, 26]. 16–17 лет – 22–23 года, – это, в широком смысле, целостный юношеский возрастной и социально-психологический этап развития личности человека. Наряду с этим, в юности выделяются следующие возрастные периоды: 16-17 лет, – ранняя юность (по И.С. Кону и др.), 17-21 год, – собственно (в узком смысле) юность, 21-23 года, – поздняя юность. Эти возрастные периоды имеют свою специфику, но, при этом, обладают и многими общими характеристиками [7, 19, 26].

Основными социально-психологическими и возрастными характеристиками и факторами любого периода развития личности и, в частности, юношеского этапа становления человека, являются: социальная ситуация развития личности, ведущий вид деятельности, сфера общения, психические новообразования, параметры интеллектуального развития, эмоциональные качества личности [7, 19, 26].

Социальная ситуация развития личности в юности характеризуется в первую очередь тем, что юношам и девушкам предстоит во многом самостоятельно (автономно) выйти на путь трудовой

деятельности и определить своё место в обществе (следует заметить, что эти процессы весьма вариативны). В связи с этим, существенно меняются в сторону заметного возрастания социальные требования к юношам и девушкам (что явно видно по сравнению с подростками), изменяются общественные условия, в которых происходит их личностное формирование: они должны быть подготовлены к труду, к семейной жизни, к выполнению гражданских обязанностей [7, 15, 19, 26].

Юность для юношей и девушек – это время выбора жизненного пути, учеба в ВУЗе, обучение и работа по выбранной специальности (включая поиск её), возможно – создание семьи, для юношей, вероятно, – служба в армии [7, 15, 19, 26].

Юношество, в современный период социально-экономического и политического развития нашего общества и государства, оказалось в условиях продолжающейся ценностной нестабильности общественного сознания. В текущий период времени нет востребованных идеалов в прошлом, но и в настоящем ещё не определены новые, адекватные происходящим в стране и в мире переменам ориентиры для предстоящего развития, – социального, профессионального, личностного самоопределения. Поэтому, сегодня, юношеству очень трудно выделить и усвоить нормы взрослой жизни. Отсюда – смятение в мыслях и неуверенность в завтрашнем дне у многих и многих лиц юношеского возраста [7, 15, 19, 26].

Помимо этого, современный этап социального развития общества «сдвинул» в психологическом и «деятельностном» планах (смыслах, значениях) границы всех возрастов в сторону более раннего наступления зрелости (в том числе – социальной зрелости). Данный процесс происходит по многим экономико-политико-социальным направлениям, но, вместе с этим, парадоксально усиливается социальный инфантилизм среди юношества и молодёжи. Тем не менее, в отличие от сравнительно недавнего прошлого, к лицам молодого возраста, «только что» закончившим ВУЗы, обществом сегодня применяется термин (и подход) «уже взрослые люди» и возрастают общественные ожидания по отношению к студенческой молодёжи. В этой связи, на современном этапе в целом возрастает значимость юношеского возраста как для успешного формирования личности юношей и девушек, так и для продуктивного социального развития общества.

С усложнением жизнедеятельности в юношеском возрасте происходит не только количественное расширение диапазона конвенциональных (социальных) ролей и интересов, но и качественное их изменение. В современный период общественного развития на юношеском («студенческом») возрастном этапе «появляется» всё больше «взрослых» социальных ролей, – с вытекающей отсюда большей мерой самостоятельности и социальной ответственности юношей и девушек.

В современный период, в 14 лет (ранее в 16 лет) подростки (фактически – уже юноши и девушки) получают паспорт Гражданина РФ; в 18 лет юношество законодательно получает активное избирательное право и возможность вступать в брак, создавать свою семью; с 14 лет подростки (практически – уже социально ответственные личности) становятся ответственными за тяжкие уголовные преступления, с 16 лет – почти за все уголовные преступления, в полном объёме «взрослая» уголовная ответственность наступает, по закону, с 18 лет. Практически все юноши и девушки интенсивно думают о выборе профессии и «деятельностно» выбирают её, включая учёбу по выбранной специальности, очень многие уже начинают трудовую деятельность в студенческом возрасте и т.д. Все указанные параметры представляют собой элементы т.н. взрослого социально-экономического статуса лиц юношеского (студенческого) возраста.

Ведущая деятельность в юношеском возрасте, в общем и целом, – учебно-профессиональная. Социальные мотивы, связанные с личностным будущим, начинают активно побуждать учебную деятельность в юношеском (студенческом) возрасте. В юности проявляется большая избирательность к учебным дисциплинам. Основной мотив познавательной деятельности в юности, – это стремление приобрести социально значимую и престижную профессию.

Психологическую базу для профессионального самоопределения в юности составляет, прежде всего, социальная потребность юношей и девушек занять позицию взрослого человека, осознать себя в качестве члена общества, определить себя в мире, т.е. понять себя и свои воз-

возможности наряду с пониманием своего места и назначения в жизни. Другим важнейшим фактором, составляющим психологическую базу профессионального самоопределения и обеспечивающим готовность юношества к вступлению во взрослую жизнь, является наличие способностей и потребностей, которые позволяют с возможной полнотой реализовать себя на гражданском поприще, в труде, в будущей семейной жизни. Это, во-первых, потребность в общении и овладение способами его построения; во-вторых, теоретическое мышление и умение ориентироваться в различных формах теоретического познания (научном, художественном, этическом, правовом), что выступает в виде сложившихся основ научного и гражданского мировоззрения, а также развитой рефлексии, с помощью которой обеспечивается осознанное и критическое отношение к себе; в-третьих, потребность в труде и способность трудиться, овладение трудовыми навыками, позволяющими включиться в производственную деятельность, осуществляя её на творческих началах [7, 15, 19, 26].

Общие мировоззренческие поиски «заземляются» и конкретизируются юношеством в жизненных планах. Чем старше юноша и девушка, тем насущнее становится необходимость жизненных выборов развития. Из множества воображаемых, фантастических или абстрактных возможностей постепенно «проступает» несколько наиболее реальных и приемлемых вариантов, между которыми и предстоит выбирать. Понятно, что многое в юности вырисовывается лишь в самом общем виде. Самым важным, неотложным и трудным делом становится для юношества выбор профессии. Психологически устремлённый в будущее и склонный даже мысленно «перепрыгивать» через незавершённые этапы, юноша хорошо понимает, что содержание этой будущей жизни, прежде всего, зависит от того, сумеет ли он правильно («лично и верно») выбрать профессию. Каким бы беззаботным, легкомысленным и беспечным ни выглядел(а) внешне юноша (девушка), выбор своей профессии, – это его(её) главная и постоянная «деятельностная» забота [7, 15, 19, 26].

Сфера общения в юношеском возрасте имеет большое значение для развития личности, что выражено в высокой значимости, для юношей и девушек, именно качественных характеристик процесса коммуникации. Начав в отрочестве («подростничестве») планомерное созидание своей личности, начав сознательно строить способы общения, очень молодой человек продолжает этот путь совершенствования значимых для себя качеств в юности. Юноша, стремясь к самоидентификации, продолжает открывать через постоянные внутриличностные рефлексии свою ускользающую сущность. Он остаётся легкоранимым – ироничный взгляд, меткое саркастическое слово другого, особенно, более старшего по возрасту и авторитетного человека, – могут разом «обезоружить» молодого человека и «сбить» с него так часто демонстрируемый им «на публику» (для самоутверждения) социальный апломб [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

Серьёзное, глубокое влияние на восприятие мира юношами и девушками оказывает то социальное пространство (микросоциум, мезосоциум и макросоциум), в котором они живут и действуют. Здесь, в живом общении, познаётся жизнь и деятельность взрослых, состоявшихся в профессии людей.

Тем не менее, семья остаётся тем микросоциумом, где юноши и девушки себя чувствуют наиболее спокойно и уверенно. С родителями обсуждаются жизненные перспективы, главным образом – профессиональные. Жизненные планы юноши и девушки обсуждают и с преподавателями, и со своими взрослыми знакомыми, чьё мнение для них важно, и, конечно, друг с другом.

Большое значение для развития личности в юношеском возрасте имеет общение со сверстниками. Общение со сверстниками в юношеском возрасте — это специфический канал информации, особый вид межличностных отношений, а также один из видов эмоционального контакта. В юношеском возрасте почти совсем преодолевается свойственная предшествующим этапам психоонтогенеза психологическая зависимость от взрослых, происходит утверждение социально-психологической самостоятельности личности, чему способствует насыщенная коммуникация со сверстниками. В отношениях со сверстниками, наряду с сохранением коллективно-групповых «подростнических» форм общения, нарастает значение индивидуальных контактов и привязанностей [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

В юношеском возрасте становится важным и актуальным поиск спутников жизни и единомышленников, возрастает потребность в сотрудничестве с людьми, укрепляются связи со своей социальной группой, появляется чувство интимности во взаимодействии с некоторыми людьми. Юношеская дружба уникальна, она занимает исключительное место среди других привязанностей. Однако, потребность в психологической (эмоционально-чувственной) интимности в юности практически «ненасытаема», удовлетворить её крайне трудно. Повышаются требования к дружбе, усложняются её критерии. Юность считается «привилегированным» возрастом дружбы, но сами юноши и девушки полагают настоящую дружбу редко встречающейся. Эмоциональная напряжённость дружбы в юношеском возрасте снижается при возникновении любви. Юношеская любовь предполагает существенно большую степень эмоциональной интимности, нежели чем дружба, но любовь в юности, что характерно именно для этого возраста, как бы включает в себя дружбу [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

К концу юношеского возрастного периода заканчиваются процессы физического созревания человека. В юности происходит т.н. завершающая гормональная перестройка, сопровождающая полное половое созревание, что приводит к усилению сексуальных переживаний. Для большинства юношей и девушек характерен резкий рост интереса к сексуальным вопросам. Наблюдается существенное возрастание сексуальных форм поведения. Большое значение юношами и девушками придается «деятельностной» выраженности их принадлежности к вполне определённой полу. Развитие половой идентификации в юности представляет собою психосоциальный процесс полномасштабного усвоения человеком своей половой социальной роли и признания этой его роли обществом [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

В юношеском возрасте, наряду с отмеченным нами выше, выделяются две несколько противоположные тенденции в области общения и взаимодействия с другими людьми: расширение сферы общения – с одной стороны, и растущая индивидуализация, обособление от социума – с другой стороны [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

Первая тенденция проявляется в стремлении к идентификации (уподоблению) с другими людьми. Это явление внешне проявляется в увеличении времени, которое расходуется именно на «чистое», «лицом к лицу» общение (повсеместно, 3–4 часа в сутки в будни, 7–9 часов, – в выходные и праздничные дни), в существенном расширении социального пространства (охвата) общения, и, наконец, в особом феномене, получившем название «ожидание общения», т.е. в самом поиске его, в постоянной готовности к контактам. Высокий уровень потребности в общении, проявляющийся в расширении его сферы и общих интересов, объясняется активным физическим, умственным и социальным развитием юношей и девушек и, в связи с этим, увеличением круга их познавательных интересов по отношению к окружающим людям и к окружающему миру в целом. Важным обстоятельством в этом вопросе является и возросшая в юношеском возрасте потребность в совместной деятельности (взаимодействии) – она во многом и находит своё удовлетворение в общении. В юности особенно возрастает необходимость и в новом опыте, и в признании, в защищённости, в эмоциональной интимности. Это также определяет рост потребности юношей и девушек в общении с окружающими людьми, рост потребности быть принятыми социумом, потребности быть признанными обществом (здесь мы даже не рассматриваем общение в социальных сетях, не рассматриваем разнообразные активные Интернет-коммуникации юношей и девушек).

Вторая закономерность, которая проявляет себя в общении в юности, это психологическое стремление к индивидуализации и к социальному обособлению. Об этой тенденции свидетельствует строгое разграничение юношеством природы (характера) взаимоотношений с окружающими людьми, высокая избирательность в дружеских привязанностях, подчас максимальная требовательность к общению в диаде. Стремление к обособлению – это желание оградить свой внутриличностный уникальный мир от психологического вторжения сторонних, и, даже, близких людей, для того, чтобы укрепить своё «чувство личности», чтобы сохранить свою индивидуальность, реализовать свои притязания на признание. Обособление как средство удержания психологической дистанции при взаимодействии с другими людьми, позволяет юношеству «сохранять свое лицо» на эмоциональном и рациональном уровнях общения в социальном мире.

Говоря о социально-психологических потребностях в уподоблении и в обособлении, надо так же меть в виду, что развитие личности (особенно в юности) можно рассматривать как процесс двуединый. С одной стороны, это уподобление (сличение с кем-то) себя другим людям в процессе общения (социально-психологическая идентификация), а с другой, – отличие (отделение, отчуждение) себя от других в чём-то, в каких-то аспектах, происходящее в результате процесса обособления. Причём, в общении уподобление и обособление протекают, в юности, в тесном единстве [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

Психические новообразования юношеского возраста имеют ярко выраженную возрастную психофилогенетическую специфику, и, разумеется, подвержены психоонтогенетическим особенностям. Юность – завершающая стадия психологического этапа персонализации, периода нахождения самоидентичности. Главные психические новообразования (приобретения) юношеского возраста: глубокая рефлексия; развитое осознание собственной индивидуальности; формирование конкретных жизненных планов; готовность к самоопределению в профессии; установка на сознательное построение собственной жизни; постепенное вращание (вхождение) в различные сферы жизни и деятельности; развитие самосознания; активное формирование мировоззрения [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

В юношеский возрастной период довольно напряжённо происходит формирование нравственного сознания, осуществляется выработка и формирование ценностных ориентаций и идеалов, устойчивого мировоззрения, гражданских качеств личности. Юность — решающий этап формирования мировоззрения личности. Мировоззрение – это не только система знаний и опыта, но и система убеждений, переживание которых в юности сопровождается чувством их истинности (юношеский максимализм), правильности. Поэтому, в юности формирование мировоззрения связано с решением т.н. смысложизненных проблем. Явления действительности интересуют юношу и девушку не сами по себе, а в связи с собственным отношением к ним. Мировоззренческий поиск в юности включает в себя социальную ориентацию личности, осознание себя в качестве частицы социальной общности (социальной и/или профессиональной, культурной группы, нации и/или этноса и т.п.). Юношеством осуществляется осознанная ориентация на своё будущее социальное положение (выбор социально-профессионального статуса), осмысливаются способы его достижения.

Психологическое содержание юношеского этапа развития личности, наверное, в большей степени связано именно с развитием самосознания как психического образования, с решением задач профессионального самоопределения и со вступлением во взрослую жизнь. К 16-17 годам (ранняя юность по И.С. Кону и др.) уже возникает особое психическое измерение в структуре самосознания, которое обозначается термином самоопределение. С точки зрения развития самосознания субъекта, в юношеском возрасте самоопределение характеризуется осознанием себя в качестве члена общества и конкретизируется в новой, общественно значимой позиции. С 17 лет до 21 года (собственно юность, юность «в узком смысле») самосознание личности всё больше развивается, усложняется, структурируется, приобретая системно (но не во всех деталях) законченный вид к поздней юности, – к 22–23 годам.

В юности активно формируются познавательные и профессиональные интересы, потребность в труде, способность строить жизненные планы, общественная направленность личности. Становление устойчивого самосознания и стабильного «Образа Я» — возможно, центральное психологическое новообразование юношеского возраста. В юности практически окончательно складывается система представлений человека о самом себе, сформировывается некое обобщённое представление о себе, которое, независимо от того, истинно оно или нет, представляет собой психологическую реальность, влияющую на поведение, порождающую те или иные переживания. При этом, в самосознание активно входит психологический фактор времени, юноша и девушка начинают «жить будущим».

Центральным фокусом значимости всех мировоззренческих проблем в юности становится проблема смысла жизни («Для чего я живу?», «Как мне жить?», «Что мне сделать для того, чтобы жить так, как я хочу?»). Юношество ищет глобальную и универсальную формулировку

своего самовыражения: «служить людям» (работать с людьми, приносить пользу людям); «познавать людей», «познавать себя». Наряду с этим, юношество остро интересуется не столько вопросом «Кем быть?», сколько «Каким быть?», а также гуманистические ценности, в чём ярко проявляется общественная направленность личности в юношеском возрасте. Этому возрасту специфично свойственны сложная рефлексия и глубокий самоанализ как проявления психологической смысловой ориентации в контексте экзистенциального самопознания.

Самоопределение, как личностное, так и профессиональное, – характерная черта юношества (студенчества). Выбор профессии упорядочивает и приводит в систему соподчинения все разнообразные мотивационные тенденции в юности (студенчестве), идущие как от непосредственных интересов личности, так и от других многообразных мотивов, порождаемых условиями социально-профессионального выбора.

Интеллектуальное развитие в юности имеет так же свою специфику. Появляются повышенная склонность к самоанализу и потребность систематизировать, обобщать свои знания о себе (разбираться в своем характере, своих чувствах, действиях, поступках). Происходит соотношение (соотнесение) себя с определённым идеалом, активизируется возможность самовоспитания. Мышление в юности (студенчестве) приобретает личностный, эмоциональный характер. Появляется некоторая познавательная страстность к теоретическим и мировоззренческим проблемам (активно развиваются интеллектуальные чувства). Эмоциональность проявляется в особенностях переживаний по поводу собственных возможностей, способностей и личностных качеств (интеллектуальное измерение самооценки). Интеллектуальное развитие выражается в тяге к обобщениям, поиску закономерностей и принципов, стоящих за частными фактами. В юности (студенчестве) возрастают концентрация внимания, объём памяти, увеличивается т.н. логизация учебного (познаваемого) материала (усваиваемой информации). В юности (студенчестве) так же активно формируется (на завершающей стадии развития данной высшей психической функции) абстрактно-логическое мышление. В юношеском (студенческом) возрасте выражено проявляется познавательное умение самостоятельно разбираться в сложных (т.н. многопричинных) вопросах. У людей юношеского (студенческого) возраста мышление становится более систематическим и критическим по сравнению с отрочеством. При этом, когнитивные процессы юношей и девушек весьма подвержены эмоциям и чувствам. Юноши и девушки требуют доказательств и обоснования тех утверждений, которые они слышат от преподавателей, окружающих их и близких им людей. Они любят поспорить, нередко увлекаются остроумными выражениями, красивыми фразами, оригинальной и творческой формой выражения своих мыслей по разным учебным предметам.

Происходит в юношеские (студенческие) годы и совершенствование (развитие) памяти. Это относится не только к тому, что увеличивается вообще объём памяти, но и к тому, что в значительной мере меняются способы запоминания (активно применяются т.н. мнемические приёмы запоминания). Наряду с активизирующимся произвольным запоминанием, у юношества (студенчества) наблюдается широкое применение рациональных приемов произвольного запоминания материала.

Эмоциональные личностные свойства в юности также активно развиваются и усложняются. Происходит существенная перестройка эмоциональной и волевой сферы, проявляется самостоятельность, решительность, критичность и самокритичность, выражено неприятие лицемерия, ханжества, грубости. Юношеский возраст характеризуется повышенной эмоциональной возбудимостью (неуравновешенность, резкая смена настроения, тревожность и т.п.). В то же время, чем старше юноша и девушка, тем сильнее выражено у них улучшение общего эмоционального состояния, так как у них прошёл кризис ранней юности. Развитие эмоциональности в юности тесно связано с индивидуально-личностными свойствами человека, с его самосознанием (что было раскрыто выше), с его самооценкой. Все это детерминировано (обусловлено) усилением личностного контроля, самоуправления, новой стадией развития интеллекта (что так же раскрывалось выше), открытием своего внутреннего мира. Открытие своего внутреннего мира, его эмансипация от взрослых – может быть, главное приобретение юности. Внешний мир начинает восприниматься «через себя». Возрастает волевая регуляция (развивается внутренний локус контроля). У юношества ярко проявляется сильно выраженное стремление к самоутверждению.

В юности происходит самооценка (и эмоциональная переоценка, сравнительно с подростковым возрастом) своей внешности (особенно у девушек). Юноши и девушки остро переживают замечаемые ими у себя самих признаки реального или мнимого избыточного веса, а также слишком большого или слишком маленького, как им кажется, роста, достаточно остро переживаются и другие элементы своей внешности, – в этом так же выражается эмоциональное измерение самооценки.

Одна из самых важных психологических эмоциональных характеристик юности – самоуважение (принятие, одобрение себя или непринятие себя, неудовлетворённость собой). Здесь в юности (студенчестве) наблюдается заметное расхождение между «Идеальным Я» («Желаемым Я») и «Реальным Я» (Социальным Я») [1,3,5-7,10,12,14-20,25,26].

Понимание суицида в философии

Спор философов о проблеме самоубийства продолжается, по меньшей мере, два с половиной тысячелетия, со времен античности. Как и следовало ожидать, мнения философов разделились: на тех, кто оправдывает самоубийство и признаёт человека свободным управлять своей жизнью, и тех, кто считает, что самоубийство недопустимо [14, 22, 23, 24].

К философам, принципиально отрицающим самоубийство как антижизненное деяние относятся: Платон, Аристотель, подчёркивавший антиобщественный характер самоубийства, отцы церкви, в том числе Фома Аквинский, назвавший самоубийство преступлением против Бога, близких и себя самого. Такого же мнения придерживались Б. Спиноза, И. Кант, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, А. Шопенгауэр, который писал: «Человек, прибегающий к самоубийству, доказывает только то, что он не понимает шутки, – что он, как плохой игрок, не умеет спокойно проигрывать и предпочитает, когда к нему придет дурная карта, бросить игру и в досаде встать из-за стола» [14, 22, 23, 24]. В целом, критики обвиняют самоубийцу в малодушии, слабости, преступлении нравственного закона и закона природы.

Внутри другого лагеря обоснования разнятся: эпикурейцы считали, что правильнее умереть, чем терпеть страдания, такие философы как Плутарх и Валерий Максим говорили, что уйти надо в то мгновение, когда счастлив. Морис Бланшо, например, считал самоубийство необходимым условием существования: «... без способности к самоубийству человечество потеряло бы какое-то равновесие, перестало бы быть возможным ... Это безумие (!), необходимое для цельности разума (?)» (восклицательный и вопросительный знаки авторов этой статьи) [14, 22, 23, 24]. Важной темой в партии тех философов, которые в принципе не отвергали суицид в качестве возможного для человека выхода из невыносимой ситуации (каковой для них, во-первых, являлась именно дилемма «"честь и смерть" или "позор и жизнь"») становится независимость, возможность принять решение, не зависящее ни от кого другого. На эту тему Мишель де Монтень писал: «Лучше всего добровольная смерть. Жизнь зависит от воли других, смерть же зависит только от нас». Кроме перечисленных философов в определённом смысле в защиту суицида высказывались Д. Юм и Ф. Ницше, который писал: «Свою смерть хвалю я вам, свободную смерть, которая приходит ко мне, потому что я хочу».

Отношение к суициду в клинической психологии

Такая аргументация (суицид – как победа над жизнью и смертью, торжество свободы от жизни), с клиничко-психологической точки зрения, вписывается в картину нарциссического расстройства личности, сверхабстракции, отделения от «грязной телесности» и перехода к так называемой чистой идее вследствие нарциссического краха перфекционистских (перфекционистских) устремлений и специфических переживаний злокачественной обиды и страха.

Теперь рассмотрим такую разновидность суицида как парасуицид.

Парасуицид, – это попытка суицида, связанная с намеренным самоповреждением или отравлением, не закончившаяся смертью. Попытка самоубийства рассматривается как достаточно генерализованный механизм манипуляции наряду с инграцией («подольщением») и агрессией так как это действие, имеющее огромный прагматический эффект (сильно влияющее на других) и удовлетворяющее фрустрированные (нереализованные) потребности Я в само-

приятти и близости. Таким образом, парасуицид имеет адаптивные функции: снижение ощущения одиночества; отыгрывание ярости; структурирование фрагментарного Я; налаживание эмоциональной связи с другими.

Стоит отметить, что существенно меньшая часть людей, совершающих парасуициды, реально покончит с собой: по статистике 1 из 20 человек в США совершает попытку самоубийства в течение жизни и только 1 из 500 оканчивается смертью [27]. Это усложняет задачу предсказания парасуицида среди пациентов с тяжелыми личностными расстройствами. Особенно сложно это в случае пациентов с пограничным личностным расстройством, характеризующихся аффективной нестабильностью [27]. Иностраные авторы серьёзно сомневаются в эффективности попыток предотвратить суицид и даже считают, что когда клиницист чувствует себя обязанным сделать хоть что-то, чтобы спасти пациента, терапевтические отношения приобретают характер «принудительной связи», в которой пациент контролирует терапевта [27]. Вместо этого, терапевт должен сосредоточиться на решении актуальных проблем пациента и выстроить предсказуемую и устойчивую структуру лечения [27].

В этой связи рассмотрим специфику парасуицида при тяжелых личностных расстройствах.

Пациенты с тяжелыми личностными расстройствами в силу фрустрированности базовых потребностей совершают множественные попытки суицида, самоповреждающие действия или угрожают их совершить. Как правило, это импульсивное принятие больших доз каких-либо препаратов без летального исхода, спровоцированное трудностями в близких отношениях. Порезы так же встречаются в этой связи, но не всегда должны рассматриваться как парасуицид. Вместо ухода из сложной ситуации, порезы выполняют функцию регуляции дисфорических эмоций и могут приобретать характер зависимости [9, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 27].

Для людей с пограничным расстройством личности свойственны также импульсивность и чрезмерность в тех областях, которые потенциально являются самоповреждающими: бездумная трата денег, безудержный секс, наркомания, воровство, неосторожное вождение машины, кутежи. В этих тенденциях они могут дойти до антисоциального поведения.

Такое преувеличенное, безрассудное поведение – способ «оживить» себя, компенсировать чувство пустоты, одиночества, брошенности и ничтожности. Суицид и парасуицид – «визитная карточка пограничного расстройства», так как смертность среди этих больных составляет 10%, что на порядок больше, чем в среднем в контингенте, не страдающем такого рода расстройствами.

Суицид как социальное явление и психологический феномен

Самоубийства относятся к трём ведущим причинам смертности в возрастной группе от 15 до 34 лет, что характерно для обоих полов (ВОЗ, 2011). Сопоставление места суицидов в структуре смертности данной возрастной группы населения в европейских странах показало, что самоубийство как причина смерти занимает второе место (после несчастных случаев на транспорте) в общей популяции среди мужчин и третье место (после онкологических заболеваний и транспортных катастроф) – среди женщин. Таким образом, общество теряет людей самого продуктивного возраста [9, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 22].

По мнению Сенкевич Л.В., кризис психологического существования или экзистенциальный кризис, – это состояние тревоги, глубокого психологического дискомфорта, возникающее при актуализированном и не имеющем адекватного личностного ответа вопросе о смысле существования. [14, 16, 17, 18, 20].

Как считает Кучер А.А., экзистенциальный кризис (экзистенция – от лат. *exsistentia* – существование) распространён в культурах, где основные нужды населения, необходимые для выживания, удовлетворены [13].

Отметим, что возрастной кризис является нередкой причиной обращения за психологической помощью. Психологи и психотерапевты называют такие личностные нормативные возрастные кризисы именно экзистенциальными кризисами. Как считает, например, Л.В. Сенке-

вич, экзистенциальный кризис может возникнуть в любой период в жизни человека, но наиболее часто он связан с определённым возрастом. По мнению специалистов по возрастной психологии, юношеские возрастные кризисы и кризисы среднего возраста являются самыми жёсткими и мучительными для души человека в психосоциальном плане. У юношей и мужчин они протекают наиболее сильно и более длительно в связи с присущей им значительной и значимой психосоциальной идентификацией. Целый ряд исследователей, в частности, Сенкевич Людмила Викторовна, считают, что иерархия смыслов существования и целей жизни у девушек и женщин социально-психологически выстроена иначе, не так как у юношей и мужчин.

Для девушек и женщин самореализация более микросоциальна, она представляет собой большую связь с любовью, семьёй, заботой о детях. По мнению Кучер А.А., юноши и мужчины в большей степени ориентированы на профессионально-социальную деятельность, на дело, на достижение успеха [13].

Суицид – это то, о чём исторически не принято говорить в нашей культуре. Самоубийства – это закрытая тема, вызывающая самые разные, но всегда сильные эмоции: ужас, отвращение, непонимание, боль, жалость, сочувствие. Сталкиваясь с суицидентами, особенно с лицами подростково-юношеского возраста, даже опытные специалисты в сфере образования, психологии, социальной работы часто теряются. Чаще всего тема профилактики суицидального поведения детей, подростков, юношей поднимается уже постфактум, после трагедии].

Область профилактики суицида является недостаточно изученной для такой серьёзной проблемы. По числу подростковых и юношеских самоубийств Россия занимает первое место в Европе. Встречаясь не так часто в детском возрасте, риск суицидального поведения возрастает к подростковому периоду, становясь одной из главных причин смертности в юности, уступая место лишь несчастным случаям и убийствам.

Последнее время вопрос о профилактике суицида среди подростков и юношества поднимается все чаще во всех социальных сферах, – образовании, медицине, психологии, социальной защите населения и т.д. Профилактика суицида среди подростков и юношества является одним из ведущих направлений работы педагогов и психологов на данный момент, в связи с чем возникает необходимость выявления группы риска, определения детерминант суицидального поведения. Исследователи описывают поведение, предшествующее суицидальной попытке у подростков и юношей, однако, сам тип «суицидального подростка/юноши», его устойчивые личностные характеристики установить пока не представляется возможным.

Ряд современных исследователей-практиков изучают указанные выше вопросы с позиций анализа юности как времени экзистенциального кризиса, об этом много пишет Людмила Викторовна Сенкевич, которая также пишет об увеличении частоты наступления индивидуальных кризисов и о возрастании тяжести протекания кризисов возрастных. Таким образом, индивидуальные особенности личности в сумме с неблагоприятными социально-психологическими условиями, накладываясь на протекание возрастного кризиса (часто по негативному сценарию), делают каждый случай уникальным и сложно предсказуемым.

Вместе с тем, по прогнозу ВОЗ, к 2020 году количество самоубийств будет расти и достигнет в мире 1500000 человек. В России, по тому же прогнозу, показатель самоубийств среди подростково-юношеской возрастной группы вырастет примерно на 26,7% [27]. Согласно исследованиям, проведённым А.А. Кучер, уже в 2020 году, в городе Москве около 200 подростков, юношей и девушек школьного возраста в результате своих суицидальных наклонностей и присущего им суицидального поведения может покончить жизнь самоубийством [16].

В современной отечественной психологии и клинической психологии суицид рассматривается как сложномотивированный поведенческий акт, как связь социальных, биологических и психологических факторов. В его основе всегда лежит явная социально-психологическая дезадаптация личности, которую вызывает определённая негативная социальная ситуация, либо субъективное восприятие человеком сложной и/или трудной, тяжёлой социально-экономической ситуации как критической.

В зарубежных исследованиях нам показались психосоциально точными посвящённые изучению суицида работы Э. Шнейдмана. Целью любого самоубийства, согласно Э. Шнейдману является поиск разрешения проблемы, стоящей перед человеком и причиняющей ему интенсивные страдания [24]. Самоубийца, по Э. Шнейдману, пытается убежать от невыносимой душевной боли. Э. Шнейдман характеризует суицид как преходящее аффективное сужение сознания с ограничением использования интеллектуальных возможностей, он в данном контексте применяет термин «туннельность сознания». По мнению этого иностранного исследователя, общим действием при суициде является бегство. Самым важным положением названного исследователя для нашей работы стало его мнение о поведении суицидентов заключающееся в том, что общей закономерностью в указанном контексте является соответствие суицидального поведения общему стилю (и определённым паттернам) поведения в течение жизни [24].

Необходимо сказать, что в последнее время всё большее развитие получает биопсихосоциальный подход к объяснению самоубийства. В рамках такого подхода суицид рассматривается как комплексный феномен, не сводимый только к последствиям критической ситуации или психического отклонения, заболевания. В настоящее время исследователи говорят о том, что биологическое наследование суицида уже почти не вызывает сомнений. Проводятся семейные и близнецовые исследования на эту тему, свидетельствующие о наличии неких механизмов наследования самоубийства.

Таким образом, исходя из вышеперечисленных подходов, суицид является своеобразным ответом личности на затруднительные и/или стрессовые внешние обстоятельства, субъективно расцениваемые индивидом как критические и сопровождающиеся невыносимой душевной болью. Чаще всего причина суицида лежит в проблемах, возникающих у индивида во взаимодействии с социумом. Однако это не является решающим, практически всегда имеются некоторые внутренние предпосылки, по-разному представляемые различными авторами. Среди таких предпосылок, в частности, называют генетические и психические факторы. В нашем исследовании нас интересуют именно внутренние психологические детерминанты суицидального поведения, среди которых склонность к той или иной стратегии совладания (совладающего поведения) представляется нам исключительно важной. Копинг-стратегии (копинги) представляются нам именно теми способностями и возможностями, которые выступают значимым фактором адаптивности человека и позволяют личности преодолевать кризисы. Поэтому мы обратились к работам, посвящённым исследованию копинг-стратегий.

Копинг-стратегии в качестве паттернов поведения в юности

Копинг-стратегии (стратегии преодоления, стратегии совладания), по-видимому, являются наиболее актуальными в подростковый и юношеский возрастные периоды поведенческими способами справиться с возникающими социальными трудностями или со специфическими внешними и внутренними требованиями, которые воспринимаются личностью в качестве психологического напряжения или превышают её психологические возможности.

Взаимосвязь стратегий преодоления, механизмов психологической защиты и личностных особенностей во многом является психической и деятельностной базой для поведенческих, эмоциональных и личностных изменений, что, в свою очередь, существенно определяет развитие личности в период юношеского возраста [4, 8, 9, 13, 18, 20, 21, 27].

Однако, эмоциональные трудности и несколько психологически болезненное протекание юношеского возраста – побочные и не всеобщие свойства юности. Существует, по-видимому, закономерность, действующая в психофилогенезе и в психоонтогенезе, согласно которой вместе с возрастанием уровня самоорганизации и саморегуляции индивида повышается эмоциональная чувствительность, но одновременно, возрастают и возможности психологической защиты.

Круг факторов, способных вызывать у человека эмоциональное возбуждение (эмоциональную реакцию), в юношеском возрасте расширяется. Разнообразнее становятся способы выражения эмоций, увеличивается продолжительность эмоциональных реакций, вызываемых крат-

современным эмоциональным раздражением. Вместе с этим, в юности происходит усложнение и развитие механизмов психологической защиты и форм поведения личности в конфликтных ситуациях.

Эмоциональные изменения в период юности во многом определяются механизмами психологической защиты, которые используют юноши и девушки в качестве способа адаптации к меняющемуся внешним и внутренним условиям. Это: рост социальной ответственности, необходимость следовать социальным нормам, увеличение потребностей на фоне недостатка возможностей их удовлетворения, смена приоритетов в мотивационной сфере и т.д.

Лишь к концу юношеского возраста молодой человек начинает реально овладевать психологическими защитными механизмами, которые не только позволяют ему внешне защищать себя от стороннего вторжения, но и укрепляют его внутренне. Рефлексия (самоанализ) помогает предугадать возможное поведение другого человека и подготовить встречные действия, которые отодвинут безапелляционное вторжение; занять такую внутреннюю позицию, которая может защитить больше, чем физическая сила [4, 8, 9, 13, 18, 20, 21, 27].

На современном этапе, именно в течение юношеского (студенческого) периода жизни, человек, по большому счёту, решает, как именно он приложит свои способности для реализации себя в труде и в самой жизни. Юноши и девушки активно испытывают себя в разнообразных сферах трудовой деятельности. Таким образом, значимость возраста юности на текущий период развития нашего общества и государства явно возрастает в экономико-социальном и политико-административном плане и это лишний аргумент в пользу того, чтобы оказать юношам и девушкам существенно большую психолого-социальную и психолого-педагогическую заботу.

Отметим, что совладающему поведению в свое время уделяли внимание представители разных психологических направлений: Г. Селье в учении о стрессе; З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм в психоанализе; Э. Бёрн в транзактном анализе; К. Роджерс в гуманистической психологии и клиент-центрированной психотерапии; Р. Лазарус и С. Фолкман в когнитивно-феноменологической теории и др.

С девяностых годов прошлого века на проблему совладания обратили активное внимание отечественные психологи: Ф.Е. Василюк, Л.И. Анциферова, В.М. Ялтонский, А.В. Махнач, С.К. Нартова-Бочавер, Т.Л. Крюкова и др. Большинство из них понимают под совладающим поведением вид социальной активности, позволяющей субъекту справиться с критической ситуацией с помощью осознанных действий, направленных на активное взаимодействие с ситуацией, если она поддается контролю, или приспособление к ней в случае невозможности такого контроля.

Вот некоторые определения, которые дают копингу отечественные клинические психологи Т.Л. Крюкова и Е.В. Куфтяк: «Копинг – совладающее со стрессом или трудной жизненной ситуацией поведение, связанное с системой целенаправленного, прогнозирования, творческим решением новых выходов и решений проблемной ситуации»; «Конструкт, характеризующий способность личности быть устойчивой к многочисленным жизненным проблемам и трудностям, сохранять психологическое здоровье и успешно развиваться, адаптируясь как к социальным, так и к личностным трансформациям и кризисам» и т.п. [10, 11, 12].

К.А. Абульханова-Славская говорит о совладающем поведении как о «конструктивной силе личности, инициирующей преобразующую активность индивида»; Л.И. Анциферова – как о «жизнетворческом даровании личности» [1].

В нашей работе мы опираемся также на концепцию известного зарубежного автора Р. Лазаруса, изложенную в тематической работе известного отечественного автора Ф.Е. Василюка. В понимании Р. Лазаруса «копинг» – это средства психологической защиты человека от критических ситуаций, воздействующие на поведение в конкретных ситуациях. Копинг рассматривается Р. Лазарусом в качестве стабилизирующего фактора, помогающего личности оставаться социально и психологически адаптированной к социуму в период воздействия стрессовых факторов [3].

Отметим также то, что исследователи делят копинг-стратегии на конструктивные и неконструктивные. Конструктивные стратегии – самоконтроль, достижение цели, планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, положительная переоценка, изменения в себе. Неконструктивные стратегии – бегство, пассивность, агрессия и аутоагрессия, эмоциональные срывы и др.

Особенно значимым использование конструктивных способов совладания становится в периоды возрастных психологических экзистенциальных кризисов, когда личность испытывает особенно сильное внутреннее напряжение из-за несоответствия новых потребностей, ожиданий, требований старой ситуации развития. В юношеском возрасте крайне важны уже сформировавшиеся адаптационные механизмы личности, а их несформированность, слабость или ориентация на выбор негативных стратегий совладания могут обусловить разного рода зависимости, девиантное и аддиктивное (отклоняющееся от социальных норм) поведение, в том числе – суицидальное.

Благополучное разрешение юношеского экзистенциального кризиса идентичности во многом зависит от опыта разрешения сложных ситуаций, накопленного личностью на предыдущих возрастных ступенях, а также зависит от генетических, социальных, психических, духовных факторов. Большую и базовую часть этого опыта в общей возрастной норме ребёнок, подросток, юноша получает в семье и в микросоциуме при взаимодействии с родителями и близкими людьми (т.н. значимыми другими). Об этом писали очень многие авторы, начиная с Эриха Фромма и Эрика Эриксона.

В современном обществе этот адаптационный психосоциальный процесс затруднён из-за массы макросоциальных и мезосоциальных отрицательных факторов, из-за сложной социально-экономической ситуации, из-за трудностей освоения информационной среды, из-за противоречий в области морально-нравственных норм, культурных норм и т.д. Растёт психологический разрыв между поколениями, традиции теряют свою значимость, семейное воспитание и воспитание в социальных институтах общества (система народного образования и т.п.) в большинстве случаев не справляется со своей архиважной функцией психосоциальной поддержки и социально-психологического воспитания. Основой межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений становится экономическая составляющая в ущерб эмоциональной и идейной направленностям, что приводит к перекосам и недочётам в формировании эмоционально-волевой сферы ребенка, подростка, негативно сказываясь и на восприятии им мира.

Механизмы адаптации к стрессовой ситуации, да и само восприятие ситуации как критической, деформируются, ребёнку, а впоследствии подростку, юноше сложно адекватно ориентироваться в напряжённой социальной ситуации развития и конструктивно реагировать на такую ситуацию, субъективно воспринимаемую в качестве чрезвычайной, что только усиливает отчуждённость и изоляцию. Становятся частыми переживания одиночества, беспомощности, тревоги. Любой психосоциальный конфликт, в силу сложности адекватной его оценки может расцениваться подростком, юношей как критическая ситуация, требующая колоссального внутреннего психологического.

Учитывая недостаточную сформированность адаптационных психосоциальных механизмов и склонность к выбору негативных стратегий совладания, растёт вероятность суицидального поведения, предпосылки которого необходимо глубоко и тщательно изучать. Именно этим обусловлен выбор цели нашего эмпирического исследования, представленного дальше.

Эмпирическое исследование паттернов поведения в критических ситуациях как детерминант суицидального риска в юношеском возрасте

Целью нашего эмпирико-экспериментального исследования стало выявление ведущих стратегий совладания с кризисными ситуациями, сформировавшихся у испытуемых к юношескому возрасту.

Опираясь на результаты теоретического анализа научных источников, в частности, на, положение Э. Шнейдмана о том, что общей закономерностью для всех случаев суицида является соответствие суицидального поведения общему стилю (паттернам) поведения в течение жизни

[24], – мы сформулировали основную **гипотезу** исследования, согласно которой предполагается, что паттерны поведения современного юношества в критических ситуациях являются одним из основополагающих факторов суицидального риска.

Методика эмпирического исследования паттернов поведения в критических ситуациях в юношеском возрасте

Для проверки справедливости гипотезы, помимо анализа теоретического материала, нами была использована тестовая психодиагностическая методика «Опросник способов совладания» («ОСС»). Данная методика применяется при изучении личностных ресурсов и копинга (совладающего поведения) в различных возрастах, в частности, в возрасте юности. Подчеркиваем то, что нами использовалась проверенная и адекватная эмпирическим задачам методика. Психодиагностический тест «Опросник способов совладания» («ОСС») был разработан Р. Лазарусом и С. Фолкманом (R. Lazarus, S. Folkman) в 1988 году, и адаптирован Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк и М.С. Замышляевой к российской выборке в 2004 году [10, 11, 12].

Методика «ОСС» диагностирует способы совладающего поведения. Прежде всего, этот тест диагностирует две базовые стратегии совладания: регулирование отрицательных эмоций (эмоционально-фокусированный копинг) и изменение ситуации, вызывающей дистресс, к лучшему (проблемно-фокусированный копинг). Оба типа совладания задействуют когнитивные, эмоциональные и поведенческие модальности и выражаются в целом ряде параметров. Это: конфронтативный (конфронтационный) копинг (конфронтация); это дистанцирование; это самоконтроль; это поиск социальной поддержки; это принятие ответственности; это бегство и/или избегание (по сути – уход от проблем); это планирование решения проблемы; это положительная переоценка ситуации [10, 11, 12].

«Опросник способов совладания» считается первой стандартной методикой, позволяющей определить ведущие копинг-стратегии личности, выявить способы преодоления критических жизненных ситуаций. В основе методики лежит представление авторов о совладании с жизненными трудностями. Р. Лазарус и С. Фолкман пишут о том, что совладание есть постоянно меняющиеся усилия человека (когнитивные, поведенческие), направленные на управление предъявляемыми социумом требованиями, которые индивид субъективно оценивает как критические, подвергающие его испытанию, превышающие его ресурсы [10, 11, 12].

Согласно Р. Лазарусу и С. Фолкману, универсальные задачи совладания следующие: преодолеть возникшие сложности, уменьшить их негативные последствия, избежать их вовсе, или же стойко перенести их. Стратегии совладания являются осознанными, целенаправленными, соответствующими личностным особенностям и сложившейся ситуации. В случае, когда ситуация субъективно расценивается как поддающаяся контролю, совладающее поведение направлено на активное преобразование этой ситуации. Если же ситуация не поддается контролю, то совладающее поведение направлено на приспособление к ней. Совладающее поведение крайне важно в контексте адаптации человека, так как оно само по себе является адаптивным, это его главная цель. Стили и стратегии такого поведения сознательны, социальные.

Таким образом, по Р. Лазарусу и С. Фолкману, все стратегии поведения делятся на позитивные, способствующие положительному выходу из кризиса, и негативные, способствующие личностной регрессии. Конструктивные стратегии, – самоконтроль, достижение цели, планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, положительная переоценка ситуации и своих ресурсов, изменения в себе. Неконструктивные стратегии, – бегство, уход, избегание, пассивность, дистанцирование, конфронтация, эмоциональные срывы, агрессия, аутоагрессия [10, 11, 12].

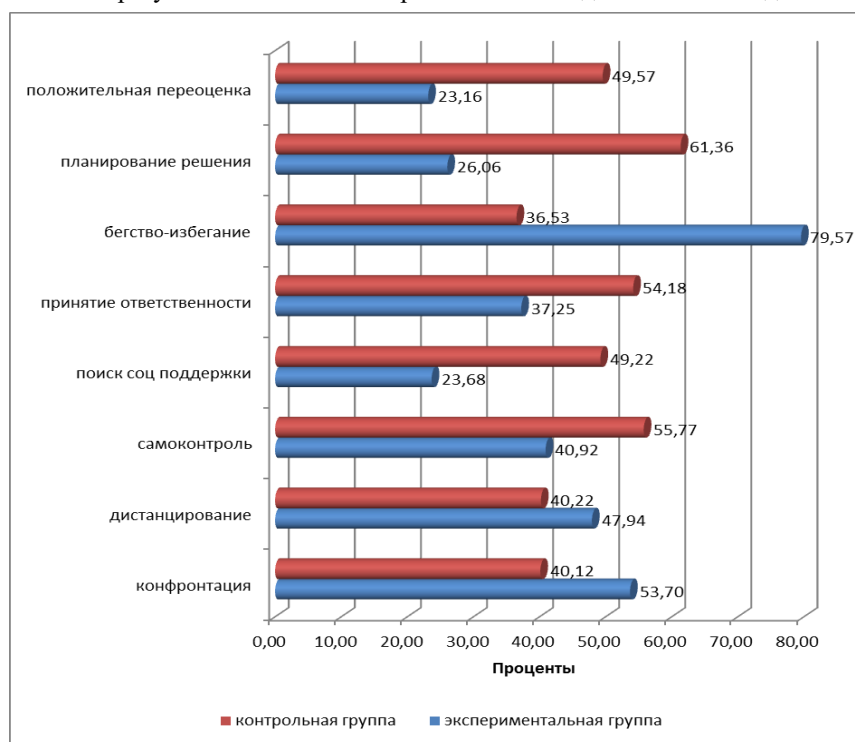
Социальная выборка эмпирического исследования паттернов поведения в критических ситуациях в юношеском возрасте

Настоящее эмпирическое исследование было проведено нами в 2016–2017 годах. В исследовании принимали участие **юноши и девушки** в возрасте **от 16 до 23 лет**. Социальное положение испытуемых, их семейный статус и материальное состояние в целом можно охарактеризовать

положительно и благополучно, – согласно «паспортичкам» (объективным анкетным данным) респондентов и нашим объективизированным наблюдениям за ними. Общая социальная выборка эмпирического исследования составила **60 человек**, которые были поделены на экспериментальную и контрольную группы. **Экспериментальная** группа была составлена из **30** юношей и девушек (13 юношей и 17 девушек), имеющих в анамнезе одну реальную попытку самоубийства (по учётным данным наркологического диспансера г. Одинцово, МО). **Контрольную** группу составили **30** юношей и девушек (13 юношей и 17 девушек), объективно не имевших в анамнезе суицидальных попыток (респонденты контрольной группы являлись студентами АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный университет», г. Одинцово, МО).

Результаты и выводы эмпирического исследования паттернов поведения в критических ситуациях в юношеском возрасте

Ниже, далее, на Гистограмме 1, наглядно отображены результаты нашего эмпирического исследования стратегий совладающего поведения юношей и девушек, присущих им в экстремальных ситуациях. Эти, представленные в процентах результаты, весьма характерны как для подобных контрольных групп, так и для подобных экспериментальных групп, что показывают данные других исследований, например, эмпирико-экспериментальные данные Сенкевич Людмилы Викторовны [5, 6, 16, 17, 18, 20]. Далее представлена Гистограмма 1, отображающая смысловое содержание основных результатов нашего эмпирического исследования по методике «ОСС».

Гистограмма 1 – Анализ результатов эмпирического исследования паттернов поведения в критических ситуациях в юношеском возрасте

Уже на первом этапе обработки полученных данных по методике «Опросник способов совладания», были видны интересные и знаковые различия между экспериментальной и контрольной группой выборки.

Подавляющее большинство испытуемых экспериментальной группы, в которую вошли юноши и девушки, имеющие в анамнезе суицидальную попытку, основной своей стратегией совладания назвали стратегию бегства, – самую неконструктивную из всех имеющихся. По этой стратегии высокие баллы были у подавляющего большинства испытуемых экспериментальной группы.

В контрольной группе лиц, не имевших в анамнезе попыток суицида, предпочтения между указанными выше стратегиями распределились практически одинаково, не было таких резких однозначных пиков.

Также можно отметить некоторые социально интересные гендерные различия в выборе стратегий у представителей экспериментальной группы: у юношей наряду с пиком по показателю «бегство-избегание» наблюдался пик по показателю «конфронтативный копинг», то есть – агрессивному поведению, у девушек такое проявление наблюдалось значительно реже.

Рассмотрим то, как распределились копинг-стратегии в экспериментальной и контрольной группах общей выборки, с позиций анализа наиболее значимых из полученных нами результатов.

В экспериментальной группе первое место занимает стратегия бегства (79,57%), второе – конфронтационный копинг (53,7%), третье – дистанцирование (47,94%), четвертое – самоконтроль (40,92%), пятое – принятие ответственности (37,25%), шестое – планирование решения (26,06%), седьмое – поиск социальной поддержки (23,68%), восьмое – положительная переоценка (23,16%).

В контрольной группе первое место отдается планированию решения (61,36%), второе – самоконтролю (55,77%), третье – принятию ответственности (54,18%), четвертое – положительной переоценке (49,57), пятое – поиску социальной поддержки (49,22%), шестое – дистанцированию (40,22%), седьмое – конфронтации (40,12%), восьмое – бегству (36,53%).

Таким образом, мы видим совершенно противоположные картины: ведущие стратегии экспериментальной группы, – бегство, конфронтация и дистанцирование, – занимают три последних места в контрольной группе.

Анализ результатов математико-статистической обработки данных эмпирического исследования

Вначале полученные данные методики «ОСС» были проверены на нормальность с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Нами был сделан вывод о том, что распределение в полученных выборках близко к нормальному, следовательно, для статистического анализа полученных данных можно использовать именно параметрические методы.

Для сравнения результатов исследования экспериментальной и контрольной групп мы применили t-критерий Стьюдента. Из полученных данных мы сделали вывод о том, что имеются статистически значимые различия по всем факторам исследования кроме данных по копинг-стратегии «дистанцирование».

В экспериментальной группе лиц, имеющих в анамнезе суицидальную попытку, – стратегия бегства имеет статистически значимую отрицательную корреляцию со всеми копинг-стратегиями кроме конфронтации и дистанцирования. Получается, что применительно к суицидентам, выбор стратегии избегания проблем, ухода от проблем, как бы блокирует остальные стратегии, делает их использование невозможным. Все усилия направляются на выход из напряжённой ситуации любым способом.

Отметим, что в контрольной группе юношей и девушек, не имевших в анамнезе попыток суицида, такой явной отрицательной корреляции не наблюдается. Напротив, в контрольной группе бегство положительно коррелирует с большинством стратегий, исключая планирования решения и положительной переоценки. Таким образом, в контрольной группе имеет место одновременный выбор как этой самой «недеятельностной» стратегии (стратегии бегства), так и выбор позитивных стратегий, что повышает адаптационные возможности личности. В контрольной группе статистически значимые отрицательные корреляции между копинг-стратегиями вообще отсутствуют. Напротив, положительная корреляция отмечается практически между всеми стратегиями. Мы можем сделать вывод, что в контрольной группе не имеют места взаимоисключения каких-либо стратегий. Получается, что более адаптивная личность и болеевольна в выборе той или иной стратегии, в зависимости от своего состояния и окружающей ситуации, не ограничиваясь исключительно негативными или позитивными стратегиями.

Заключение к анализу данных эмпирического исследования

Юноши и девушки из экспериментальной группы, имеющие в анамнезе суицидальную попытку, предпочитают негативные стратегии совладания, – бегство, конфронтативный копинг и дистанцирование, тогда как в контрольной группе эти стратегии занимают последние места.

Стратегия бегства в экспериментальной группе блокирует возможность самодистанцирования, самотрансценденции, а также использования положительных стратегий.

У юношей и девушек – представителей контрольной группы, на первые места выходят позитивные стратегии совладания, возможности использования различных стратегий личностно не ограничены, что повышает адаптивные свойства личности.

В ситуации юношеского кризиса, сопровождающегося крайней внутренней напряжённостью, основой для позитивного разрешения кризиса могло бы стать использование положительной копинг-стратегии. Однако, как мы увидели, такие стратегии практически недоступны для наших испытуемых экспериментальной группы. Единственным выходом становится бегство, уход в различные формы зависимостей. Закрытость, одиночество, склонность к психосоматическим реакциям, – опасные характеристики, способные быть основой суицидального поведения.

Итак, представленные эмпирические данные и результаты их обсуждения и анализа позволяют нам прийти к выводу о том, что наша гипотеза подтвердилась в том, что паттерны поведения современного юношества, проявляющиеся в критических ситуациях, являются одним из основополагающих факторов суицидального риска.

Хотелось бы отметить практическую значимость нашей работы. Полученные и представленные нами выше результаты могут быть полезны для становления системы профилактики суицидального поведения у старших подростков и юношества. Нам представляется возможным профилактическая работа в данной области, направленная на воспитание позитивных моделей преодоления сложных ситуаций у современных подрастающих и развивающихся поколений, а также диагностика уже сложившихся стратегий совладания и выделение на этой основе группы риска для проведения коррекционно-развивающей работы.

Кроме того, в контексте ранней профилактики суицида, обращаем внимание всех заинтересованных специалистов на возможности психодиагностического инструментария, одним из наиболее эффективных измерительных инструментов которого, является описанная ниже, далее, надёжная психодиагностическая тестовая методика ММИЛ [2, 27].

Психодиагностические параметры выявления суицидальных склонностей человека

Отметим, что, согласно Ф.Б. Березину и его соавторам, являющимся отечественными исследователями, произведшими адаптацию теста ММРІ в методику ММИЛ, по «Шкале 2» ММИЛ, – «Тревога и депрессивные тенденции», – характер профиля (показатели измерительных шкал) испытуемого обычно позволяет выявить преобладание у испытуемого тревоги и/или депрессии (рисунок 1) [2, 27]. По Ф.Б. Березину и его соавторам, даже при ретестировании (повторном тестировании) испытуемых по методике ММИЛ, пик профиля (очень высокие показатели) на второй шкале сохраняется именно если тревога устраняется посредством нарастания депрессии и депрессивных реакций (рисунок 1) [2]. По Ф.Б. Березину с его соавторами, поскольку депрессивный синдром сопровождается у человека снижением общего уровня побуждений, постольку депрессия на психологическом уровне может рассматриваться, в частности, как устранение вызвавшей тревогу фрустрации (состояния неудовлетворения потребности) путём, как раз, снижения уровня побуждений за счёт обесценивания исходной потребности (рисунок 1) [2].

Согласно Березину Ф.Б. и его коллегам, индивидуумы, профиль которых характеризуется главным образом повышением на второй шкале, обычно воспринимаются окружающими как пессимистичные, замкнутые, молчаливые, застенчивые или чрезмерно серьёзные; они могут выглядеть ушедшими в себя и избегающими контактов (рисунок 1). Однако, заявляют Березин Ф.Б.

с коллегами, в действительности эти люди характеризуются выраженной симбиотической тенденцией (постоянной потребностью в глубоких и прочных контактах с близкими людьми); они легко начинают отождествлять себя с другими людьми и отдельными аспектами своего бытия (лично важными для них параметрами взаимодействия со «значимыми другими»). Если это отождествление нарушается, утверждают Березин Ф.Б. и его соавторы, что происходит в связи с изменениями в системе установившихся социальных связей, то такие изменения могут восприниматься как катастрофа и приводить к глубокой депрессии, в то время как подобная реакция не представляется адекватной объективному наблюдателю (именно ближайшему окружению депрессивной личности). Ф.Б. Березин с соавторами полагают, что даже одна угроза разрыва указанных симбиотических связей может вызвать у таких депрессивных лиц тревогу, – ещё больше увеличивающую подъем профиля на второй шкале (рисунок 1).

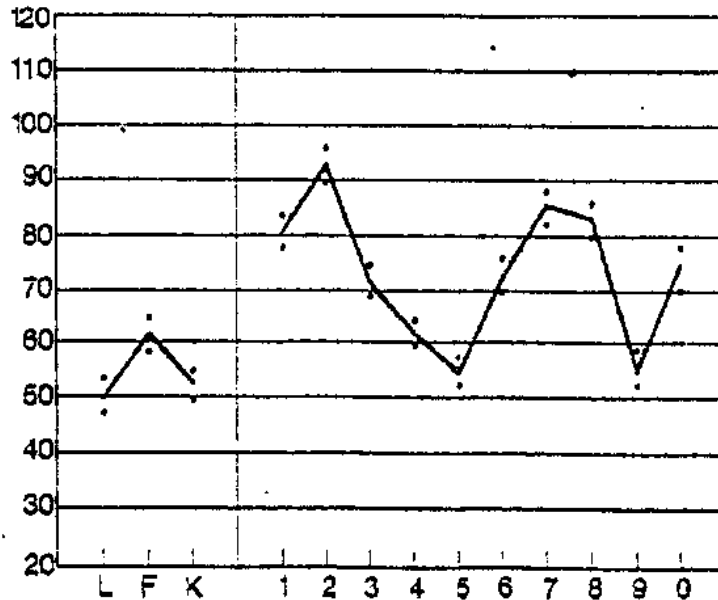

Рисунок 1 – Усредненный профиль при депрессивном синдроме

Указанные исследователи считают также что уединенность и отгороженность депрессивных лиц могут отражать их стремление избежать возможного разочарования (у подобных людей мотивация на избегание неудач в деятельности существенно превалирует над мотивацией на достижение успеха в деятельности) [2].

Указанные авторы полагают также, что в действительности депрессивные личности испытывают потребность привлечь и удержать внимание окружающих, дорожат их оценкой, стремятся приобрести и сохранить их близость. Названные исследователи утверждают, наряду с этим, что в связи с выраженностью подобной тенденции (зависимостью от мнения «значимых других»), ситуации, требующие агрессивной реакции, направленной вовне, вызывают у депрессивных людей тревогу. Обозначенные исследователи заявляют, что для депрессивных лиц характерны психосоциальные реакции, сопровождающиеся чувством вины, гневом, направленным на себя, аутоагрессией (всё это в клинической психологии определяется термином «интрапунитивные реакции») [2].

Ф.Б. Березин с соавторами постулируют исключительно важное для нашей темы утверждение о том, что в качестве крайней степени интрапунитивной реакции могут возникать суицидальные тенденции. Ф.Б. Березин с коллегами при этом отмечают, что суицидальные тенденции

могут рассматриваться и как форма симбиотического поведения, поскольку в большинстве случаев они выражают реакцию «призыва» (что нередко выражается и в т.н. демонстративных попытках суицида), что отображает собою желание добиться внимания со стороны окружающих людей (а, в особенности – значимых других). Названные учёные, при этом, подчёркивают, что возможность таким «суицидальным» путём привлечь и удержать внимание значимых других, – нередко «проигрывается» потенциальным суицидентом перед суицидальной попыткой в его суицидальных фантазиях (планах совершения суицидных действий) [2].

Наряду с этим, Березин Ф.Б. и его соавторы полагают, что с точки зрения диагностики суицидальных тенденций, выраженность второй шкалы («шкала депрессии») методики ММИЛ (см. здесь, выше Рис. 1) представляет собой важный показатель исследования суицидальных тенденций. Таким образом, названные исследователи отмечают, что пик профиля на шкале депрессии (см. выше Рис. 1) отражает не только достоверную выраженность депрессивных тенденций, но и потенциальное проявление связанных с явной депрессией суицидальных склонностей. Итак, указанные учёные считают, что очень высокие и просто повышенные показатели по шкале депрессии методики ММИЛ (см. ранее Рис. 1) должны обязательно насторожить всех специалистов в контексте необходимости профилактики суицидальных склонностей у такого респондента, особенно – если респондент юношеского возраста [2].

Литература

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, N 1. С. 3–18.
2. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения. Предисл. Т. Барлас. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «БЕРЕЗИН ФЕЛИКС БОРИСОВИЧ», 2011. 320 с.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1991. 200 с.
4. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб: Питер, 2009. 336 с.
5. Донцов Д.А. Культурно-исторические условия в качестве фактора влияния на личностные ресурсы лиц зрелого и молодого возрастов в контексте преодоления ими критических ситуаций // Сборник докладов по результатам научно-практической конференции «Человек в мире неопределённости: методология культурно-исторического познания», приуроченной к 120-летию Л.С. Выготского, в г. Москве. Том 1. / Под ред. Т.Н. Сахаровой. М.: МПГУ, 2016. 500 с., С. 39-51.
6. Донцов Д.А., Базаркина И.Н. Личностные ресурсы преодоления критических ситуаций в юношеском и зрелом возрастах в разных культурно-исторических условиях // Российский научный журнал, № 2 (33), 2013.С. 131-136.
7. Донцов Д.А., Донцова М.В. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста // Образовательные технологии, № 2, 2013. С. 43-42.
8. Донцов Д.А., Москвитина О.А., Орлова И.Н. Технологии психосоциальной работы и психологической помощи в кризисных ситуациях и экстремальных условиях // Вестник Санкт-Петербургского Государственного Университета. Направление «Психология. Социология. Педагогика». Серия 12. Выпуск 1. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 192-198.
9. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. М.: Класс, 2000. 464 с.
10. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантигул», 2004. 344 с.
11. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. №3, 2007. С. 93-112.

12. Куфтяк Е.В. Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте. Психологические исследования, №2 (22), 2012. С. 16-31.
13. Кучер А.А., Теория и практика профилактики и коррекции в ситуации суицидального риска, Изд-во МосГУ, 2004. 271 с.
14. Методологическое научное понимание суицида в качестве культурно-исторического, философского и психосоциального феномена / Сенкевич Л.В., Донцов Д.А., Донцова М.В., Орешкина А.С., Пятаков Е.О. // Вестник практической психологии образования, №2 (47), 2016. С. 45-49.
15. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. 10-е издание, перераб. и доп. М.: Академия, 2006. 608 с.
16. Представления о поведении в критических ситуациях в качестве суицидального фактора в юности / Донцов Д.А., Сенкевич Л.В., Донцова М.В., Сокуренок М.Б., Павлова А.В., Пятаков Е.О. // Вестник практической психологии образования, №3 (44), 2015. С. 33-41.
17. Сенкевич Л.В. Экзистенциальный кризис и склонность к суицидальному поведению в юношеском возрасте (на примере представителей неформальных молодежных группировок) // Ученые записки Российского государственного социального университета. № 7. 2011. С. 221-225.
18. Сенкевич Л.В., Базаркина И.Н., Аракелян С.О. Совладающее поведение в юношеском возрасте как условие продуктивного переживания экзистенциального кризиса (социокультурный аспект) // Социальная политика и социология. № 8, 2012. С. 125-139.
19. Сенкевич Л.В., Донцов Д.А. Психологические особенности, социально-психологические закономерности и специфика развития личности в юношеском возрасте // Российский научный журнал. №1 (32), 2013. С. 198-206.
20. Сенкевич Л.В. Содержательные характеристики экзистенциального кризиса у юношей с аддиктивным поведением // Российский научный журнал. № 2 (33), 2013. С. 178-184.
21. Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Проблема суицида: клиничко-психологический ракурс // Вопросы психологии, №4, 2006. С. 103-115.
22. Суицидология: Прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах // составитель А.Н. Моховиков. М.: Когито-Центр, 2001.
23. Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. М.: Захаров, 2008. Т. 1. 463 с.
24. Шнейдман Э. Душа самоубийцы // Суицидология: Прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. Составитель А.Н. Моховиков. М.: Когито-Центр, 2001.
25. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Класс, 1999. 156 с.
26. Юношеский возраст в качестве психосоциального этапа завершения эпохи детства: методологический анализ / Донцов Д.А., Драчёва Н.Ю., Кочеткова Л.А., Сухих Е.В. // Детство как антропологический, культурологический, психолого-педагогический феномен. Материалы III международной научной конференции. В рамках проекта «А.З.Б.У.К.А. детства». Ответственный редактор Т.А. Чичканова. 24-25 марта 2017. – Самара: ООО «Научно-технический центр». С. 15-20.
27. Paris J. Managing suicidal crisis in patients with severe personality disorders // Severe personality disorders Lyun J.B. van, Akhtar S., Livesley W.J. Cambridge University Press, 2007.

Приложение 1 – Первичные данные опросника «ОСС», – экспериментальная группа

№ №	пол	возраст	1 конфронтативный копинг	2 дистанцирование	3 самоконтроль	4 поиск социальной ответственности	5 принятие ответственности	6 бегство	7 планирование решения проблемы	8 положительная переоценка
1	М	20	83,3	33,3	38	11,1	33,3	79,1	5	4,7
2	М	23	88,9	22,2	38	33,3	58,3	75	11,1	9,5
3	Ж	17	22,2	55,5	33,3	11,1	23,8	100	16,7	14,2
4	Ж	20	16,7	61,1	33,3	5	23,8	79,1	11,1	9,5
5	М	19	88,9	27,8	38	11,1	23,8	91,7	16,7	9,5
6	Ж	19	55,5	55,5	52,3	50	66,7	62,5	61,1	42,9
7	М	17	77,8	38,9	38	22,2	33,3	79,1	5	4,7
8	М	20	88,9	33,3	33,3	16,7	23,8	83,3	22,2	9,5
9	Ж	17	16,7	61,1	38	16,7	23,8	91,7	22,2	23,9
10	Ж	18	16,7	55,5	23,9	22,2	33,3	87,5	11,1	19
11	М	17	83,3	22,2	38	22,2	23,8	83,3	22,2	14,2
12	Ж	20	27,8	61,1	23,9	11,1	50	91,7	16,7	23,9
13	Ж	21	16,7	61,1	33,3	11,1	23,8	79,1	16,7	19
14	Ж	23	22,2	61,1	42,9	11,1	23,8	87,5	11,1	14,2
15	М	20	83,3	44,4	42,9	16,7	33,3	79,1	16,7	9,5
16	Ж	20	22,2	55,5	38	11,1	23,8	95,9	16,7	4,7
17	Ж	23	16,7	61,1	38	16,7	23,8	91,7	22,2	23,9
18	Ж	23	22,2	50	42,9	11,1	23,8	83,3	11,1	19
19	М	18	88,9	33,3	33,3	16,7	23,8	83,3	22,2	9,5
20	М	22	72,2	33,3	23,9	16,7	33,3	83,3	22,2	19
21	М	21	72,2	33,3	33,3	16,7	33,3	87,5	5	23,9
22	Ж	21	27,8	55,5	42,9	16,7	23,8	91,7	22,2	23,9
23	М	21	83,3	33,3	38	22,2	33,3	83,3	16,7	14,2
24	Ж	22	27,8	61,1	33,3	22,2	50	95,9	11,1	19
25	М	18	88,9	38,9	33,3	16,7	33,3	83,3	22,2	14,2
26	Ж	23	94,4	94,4	71,4	83,3	83,3	79,1	77,8	66,7
27	Ж	22	33,3	61,1	71,4	77,8	83,3	33,3	61,1	66,7
28	Ж	23	72,2	50	85,8	55,5	50	50	77,8	85,8
29	Ж	18	55,5	38,8	57,1	44,4	25	33,3	77,8	57,1
30	М	22	44,4	44,4	38	11,1	75	62,5	50	19

Приложение 2 – Первичные данные опросника «ОСС», – контрольная группа

№	пол	возраст	1 конфронтативный копинг	2 дистанцирование	3 самоконтроль	4 поиск социальной поддержки	5 принятие ответственности	6 бегство	7 планирование решения проблемы	8 положительная переоценка
1	М	20	66,7	66,7	76	66,7	66,7	79	50	47,6
2	Ж	23	27,8	33,3	57	55,5	58,3	33,3	66,7	42,8
3	М	23	16,7	38,9	38	66,7	58,3	20,8	66,7	47,6
4	Ж	18	50	55,5	62	61	41,7	50	66,7	71,4
5	Ж	22	55,5	61	81	50	41,7	12,5	72,2	66,7
6	М	21	55,5	55,5	57	38,9	66,7	37,5	72,2	62
7	Ж	21	22,2	33,3	71,4	66,7	100	25	77,8	85,7
8	Ж	21	44,4	44,4	66,7	55,5	58,3	33,3	77,8	62
9	М	22	72,2	55,5	71,4	55,5	58,3	54,2	94,4	62
10	Ж	18	33,3	38,9	47,6	16,7	41,7	41,7	61,1	19
11	М	23	55,5	50	52,4	44,4	58,3	45,8	50	42,8
12	Ж	22	44,4	38,9	42,8	72,2	50	25	88,9	76
13	Ж	23	27,8	27,8	38	5,5	16,7	8,3	55,5	23,8
14	Ж	18	77,8	66,7	66,7	55,5	66,7	62,5	77,8	62
15	М	22	33,3	50	66,7	38,9	83,3	45,8	27,8	42,8
16	М	20	44,4	44,4	57	50	58,3	37,5	50	47,6
17	М	23	44,4	44,4	38	50	66,7	54,2	55,5	71,4
18	М	17	27,8	33,3	61,9	38,9	83,3	29,2	94,4	57,1
19	Ж	20	50	27,8	76,2	55,6	75	45,8	83,3	57,1
20	Ж	19	38,9	83,3	71,4	83,3	58,3	58,3	83,3	90,5
21	М	19	33,3	0	71,4	50	25	0	66,7	42,9
22	Ж	17	61,1	33,3	61,9	83,3	66,7	41,7	94,4	38,1
23	М	20	38,9	38,9	81	55,6	75	28	89,5	76,2
24	Ж	17	16,7	61,1	71,4	77,8	50	45,8	66,7	38,1
25	Ж	18	88,9	38,9	52,4	88,9	83,3	79,2	50	21,4
26	М	17	33,3	38,9	85,7	38,9	66,7	58,3	44,4	76,2
27	М	20	9,27	12,05	12,71	12,98	13,90	11,82	12,98	14,30
28	Ж	21	9,41	10,45	15,23	11,50	14,11	10,19	15,68	13,44
29	Ж	23	10,99	10,99	11,51	15,87	10,99	9,15	15,87	14,65
30	Ж	17	13,27	12,33	10,57	14,22	11,38	12,09	12,33	13,82

**STUDY OF PATTERNS OF CONDUCT IN CRITICAL SITUATIONS AS
A DETERMINANT OF SUICIDAL RISK IN YOUTH**

DOI: 10.25629/HC.2019.06.16

Senkevich L.V.¹, Dontsov D.A.², Dontsova M.V.³

¹Russian State Social University

²Moscow State University Lomonosov

³Moscow Institute of Psychoanalysis

Abstract. The article presents the results of the study of patterns of behavior of boys and girls with suicidal attempts and without them: the dependence of patterns of behavior in adolescence with internal prerequisites for suicidal actions in boys and girls was considered. The main scientific task of the psychological empirical research presented in this article was to identify the relationship between the personality traits of a youthful suicide and the specificity of personal resources of co-ownership with critical situations. In addition, this article analyzed in detail the psychosocial characteristics of personal development in adolescence, coping strategies (coping strategies, coping strategies in behavior and activity), disclosed the understanding of suicide in philosophy, studied the attitude to suicide in the clinical psychology, suicide is also investigated as a social phenomenon and a psychological phenomenon; finally, psychodiagnostic methods of identifying personality suicidal tendencies are described in detail, presented as a prevention of suicide attempts.

Keywords: suicide, suicides, suicidal attempts, suicidal behavior, adolescence, adolescence, adolescence, adolescents, youths, girls, experiences, personality, crisis, difficult situation, difficult situation, coping behavior, coping, stress, copings, coping strategies, behavior patterns.

Senkevich Lyudmila Viktorovna. E-mail: lvsenkevich@mail.ru

Dontsov Dmitry Alexandrovich. E-mail: dontsov-junior@bk.ru

Dontsova Margarita Valerievna. E-mail: m.dontsova@gmail.com

Date of receipt 09.05.2019

Date of acceptance 10.06.2019